

Прогрессивный паралич

От глобального прогресса – к локальным

То, что история полна повторяющихся фрагментов – не новость, а вечный соблазн для историка предсказывать будущее по прошлому. Эту мысль мы находим и у Питирима Сорокина, написавшего почти сто лет назад в работе «Социология революции»:

«...Неповторяющийся в целом исторический процесс соткан из повторяющихся элементов. То же самое справедливо и по отношению к истории человечества. И здесь “сходные причины в сходных условиях производят сходные следствия”».

Проблема, однако, состоит в том, что часто трудно установить, какая именно закономерность лежит в основе той или иной повторяемости, и каков «вес» этой закономерности в текущем моменте среди повторяемостей иного характера.

Сильно облегчает жизнь вооруженность представлением о том, что у Истории, отражающей Эволюцию, есть какая-то конечная цель, движение к которой происходит «по спирали», проекция которой отражает повторяемость. Это представление о Прогрессе как о некоем всеобщем законе подтверждается, казалось бы, таким очевидными для большинства фактами, как общее смягчение нравов, распространение идеи о «естественных правах» и понятия гуманистических ценностей.

Здесь имеет одно очень сильное предположение: подразумевается, что этот процесс «прозрачен» для всех локальных цивилизаций (будем называть их просто «цивилизациями»), различаясь только скоростью изменений. То есть ментальность цивилизации может сопротивляться прогрессу, но не может в конце концов вывести ее за пределы его действия.

Опыт истории, однако, свидетельствует о том, что эта модель не позволяет понять множества явлений общественного бытия без непрерывных оговорок по «частным случаям» – ровно так же, как система Птолемея не могла дать удовлетворительного объяснения движения небесных светил без непрерывной своей корректировки. Как писал Питирим Сорокин:

«Вероятно, в истории и есть некая трансцендентальная цель и невидимые пути продвижения к ней, но они еще никем не установлены» [Питирим Сорокин. Человек. Цивилизация. Общество. М. 1992. С.310].

Самый актуальный и жгучий пример бессилия модели единого Прогресса – это Русская цивилизация, находящаяся сейчас, после, казалось бы, «необратимого» крушения «империи Зла» в собственном лице, – в стадии очередного впадения в тоталитаризм и интеллектуально-нравственную деградацию общественного сознания.

Выход из создавшегося таким образом гносеологического тупика возможен только один: отказ от парадигмы Прогресса как имеющего единый смысл для всех цивилизаций. А именно: признания и учета того, что разные цивилизации прогрессируют в разных формах.

Здесь можно провести такую аналогию с биологическим царством, где наряду с человеком, обладающим сознанием и превосходством в способностях приспособления и преобразования среды в своих интересах, прекрасно сосуществуют и другие виды животных за счет совершенствования каких-то более узких форм приспособления. Более того, зачастую, этой формой приспособления может быть синантропия – выгодная связь с бытием человека.

В предлагаемой аналогии Западную цивилизацию можно сравнить с человеком, а другие цивилизации – с иными видами животных, возможно, и синантропных. Соответственно, так же как прогресс, в частности, синантропных животных идет не в направлении прогресса человека, а в направлении использования человека вместе с его прогрессом для выживания собственного вида, так и прогресс иных цивилизаций может быть вовсе не связан с принятием ценностей цивилизации Западной для достижения общей цели, – а состоять лишь в заполнении «ниш», образуемых ее гуманистическими достижениями (свободы и толерантности), для паразитирования с целью лучшего сохранения собственных ценностей.

«Прогресс» Русской цивилизации

Отказавшись от парадигмы единого прогресса, мы сразу понимаем, что прогресс Русской цивилизации направлен вовсе не к цели Западной цивилизации - всеобщей гармонизации индивидуальной свободы и социального бытия, а к цели совсем иной: мировому геополитическому доминированию в порядке осуществления богоизбранности. Именно эта цель явилась для Русской цивилизации системообразующей в 15 веке, когда пал «Второй Рим». Именно с тех времен в общественном сознании Московии стало распространяться глобальная идея особой роли России в несении света Истины другим народам. Вот как об этом писал выдающийся историк, переведшего на английский язык и прокомментировавший 5 томов Никоновского летописного свода, **Сергей Александрович Зеньковский**:

«В очаровательной легенде — “Повести о Белом Клобуке”... эта идея уже принимает мистический характер. “Белый Клобук” — символ чистоты православия и “светлого тридневного Воскресения Христова” — был, по словам легенды, дарован императором Константином папе Сильвестру. Из Рима Белый Клобук позже попал в Константинополь — второй Рим, — который в течение долгих веков был центром православия. Оттуда Клобук был “переслан [опять-таки по словам легенды] в Новгород”, на Русь, так как “там воистину есть славима вера Христова”. Нахождение Белого Клобука на Руси очень многозначительно, по словам легенды, так как оно указывает не только на то, что “ныне православная вера там почитается и прославляется больше, чем где-либо на земле”, но и обещает духовную славу России. По мнению авторов легенды, “...в третьем же Риме, еже есть на русской земле — благодать Святого Духа воссия”. /.../

Помимо списков “Повести о Белом Клобуке” по рукам русских людей конца XVI и XVII веков ходило множество других рукописей и книг, утверждавших особое благочестие и особую историческую миссию русского православного народа. Таким, например, был “Стоглав” (постановления русского церковного собора 1551 года, на котором было постановлено, что русские церковные обряды правильнее всех других), “Просветитель” Иосифа Волоцкого, списки с грамот об установлении патриаршества, сборники русской литературы и знаний, известные под именем “Четий Миней” и много других произведений московской письменности. Величавое учение русского мессианства стало проникать в сознание широких кругов русского народа [Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. В двух томах. Том 1. М. 2009. С. 56, 58, 64].

Современный исследователь отмечает:

«Эти идеи нашли воплощение и в созданной примерно в эти же годы “Степенной книге” (начало 1560-х годов), которая считается отражением официальной позиции власти и церкви. В ней Российское царство как последнее истинно верящее, православное государство объявлялось высшей точкой мировой истории, а его правители — проводниками своего народа в Царство Божие. Подвиги князей и святителей были ступенями, по которым Россия восходила к своей высокой роли (отсюда и название книги — Степенная, то есть — построенная по степеням, по ступням). Православный народ при этом называется Новым Израилем, новым богоизбранным народом, чья миссия для человечества сравнима по своему значению с миссией библейского Израиля» [Филюшкин А.И. Андрей Михайлович Курбский. М. 2010].

Избранническое мировосприятие, сознание собственной исключительности и сформировали русский менталитет, русскую «скрепу», ее цивилизационный фундамент.

Переместившись на триста лет вперед в эпоху капиталистического уклада и колониальных расширений и Западной, и Русской цивилизаций, мы можем отметить, например, насколько отличаются идеологические основания этих колонизаций. Если в Западной цивилизации их оправданием служило «бремя белого человека» в форме распространения культуры и модернизации, то для русского «белого человека» колонизация оправдывалась правом торжества богоизбранной державы, когда одно *«имя белого царя должно стоять превыше ханов и эмиров, превыше индейской императрицы, превыше даже самого калифова имени»*:

«С победой Скобелева пронесется гул по всей Азии, до самых отдаленных пределов ее: "Вот, дескать, и еще один свирепый и гордый правоверный народ белому царю поклонился". И пусть пронесется гул. Пусть в этих миллионах народов, до самой Индии, даже и в Индии, пожалуй, растет убеждение в непобедимости белого царя и в несокрушимости меча его. /.../

У этих народов могут быть свои ханы и эмиры, в уме и в воображении их может стоять грозой Англия, силе которой они удивляются, - но имя белого царя должно стоять превыше ханов и эмиров, превыше индейской императрицы, превыше даже самого калифова имени. Пусть калиф, но белый царь есть царь и калифу. Вот какое убеждение надо чтоб утвердилось!» (Достоевский Ф.М. Дневник писателя, январь 1881 года).

И чеканная формула:

«Тот не русский, который не признает нужды завладеть Константинополем (Царь-град). /.../ Константинополь православен, а что православное, то русское» (Достоевский Ф.М. Записки к «Дневнику писателя» 1876 г. из рабочих тетрадей 1875-1877 гг.)

Уже на этом этапе можно отметить, что идея богоизбранности Руси – России с самого своего овладения общественным сознанием формировала для своего непрерывного воспроизводства потребность в «торжестве» ее народа над прочими. И для этого «торжества» высшей ценностью Русской цивилизации стал специфический тип государства, где государь обладал сакральностью божественной санкции (помазанник божий). Все попытки модернизации, а точнее - вестернизации такого государства начиная с Петра I оказывались при этом провальными. Проходит еще сотня лет и знаменитый историк и культуролог, современник Русской цивилизации времен развитого СССР отмечает:

«Русская вера в святость, Православие и судьбу России пережила принятие Россией Западной цивилизации и после Петра Великого. В эпоху вестернизации она уже дважды отставала свои права – каждый раз облачаемая в западную идеологию, она перекраивала ее русскими руками и приспособливала для служения русским целям» [Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: Сборник. М. 2003. С. 226].

Проходит еще полвека, в России снова заимствованные у Запада политико-экономические модели и институты – и вот какие тезисы, абсолютно несовместимые с культурой и менталитетом Западной цивилизации, но вполне органичные для менталитета Русской цивилизации и ее «глубинного народа», провозглашает в 2018 году ее само-державный суверен:

«Если кем-то принято решение уничтожить Россию, тогда у нас возникает законное право ответить. Да, для человечества это будет глобальная катастрофа. Для мира будет глобальная катастрофа. Но я все-таки как гражданин России и глава Российского государства тогда хочу задать вопрос: а зачем нам такой мир, если там не будет России?» «Конечно, это катастрофа всемирная... И мы как мученики попадем в Рай, а они просто сдохнут» (высказывания В. Путина в фильме «Миропорядок-2018» и в дискуссионном клубе «Валдай»).

Понятно, что эта ничем не спровоцированная демонстрация готовности нанести «ответный», губительный для человечества, удар («на встречных курсах» - то есть тогда, когда только будут обнаружены летящие в направлении предполагаемых целей ракеты «противника») - форма психологического террора. «Да, мы готовы уничтожить человечество, если решим, что нам что-то угрожает» - таков посыл. Но нам важнее обратить внимание не на террористическую сущность сказанного (чем в нынешнее время уже никого не удивишь), а на таящуюся под ней онтологическую пропасть, отделяющую Русскую цивилизацию от Западной: ее менталитету имманентно присуще глобальное противопоставление «нас» - всему остальному миру, из которого никто, независимо от своей виновности и вообще реального к «нам» отношения, в принципе не может «попасть в Рай», а «просто сдохнет».

Таким образом, ретроспективный «информационный портрет» Русской цивилизации являет нам хотя бы одну характерную ее черту, принципиально отграничивающую ее от цивилизации Западной: веру в особый провиденциальный смысл своей судьбы, в свою богоизбранность, а из этого - в свое право на «торжество» над всеми другими народами. Понятно, что понятие «прогресса» для такой цивилизации будет совершенно иным, чем для Западной, как бы та ни пыталась проповедовать и пропагандировать свои о нем представления. Именно по этой причине Запад никогда не сможет понять логику поведения России, поскольку ее логика берет начало в другом пространстве, имеющем сакральное измерение.

В чем же может заключаться «прогресс» такой цивилизации? Прошедшие 500 лет дают только один ответ: ни в чем. Траектория исторической судьбы России носит судорожный характер движения не по спирали, а по «слетевшей резьбе». Или, как выразился А. Аузан:

«...Россия приобрела такую специфическую линию движения: скачок, потом удар о потолок и — сползание» (<https://echo.msk.ru/programs/zapad/2840708-echo/>).

Историческая траектория России – «бесконечный тупик», ибо природа ее – химерическая. За подробностями отсылаю к Части 3 «Россия как феномен» своей работы «История с географией (опыт деконструкции)» (http://margulev.narod.ru/istoria_s_geografey.pdf).

Химерические революции

Понимание специфики исторической траектории России позволяет нам по иному взглянуть на те явления, которые принято называть «революциями», используя их некоторые сходные черты с называемыми так явлениями Западной цивилизации. Это будет нам важно для понимания возможностей революции если и не для выхода из «бесконечного тупика», то хотя бы для слома путинского режима.

Прежде всего определимся с этим понятием. Выдающийся польский социолог-теоретик Петр Штомпка дает такое общее его определение:

«Революции представляют собой наиболее яркое проявление социальных изменений. Они знаменуют собой фундаментальные переломы в исторических процессах, преобразуют человеческое общество изнутри и буквально «перепихивают» людей. Они ничего не оставляют без изменения; заканчивают прежние эпохи и начинают новые. В момент революций общество достигает пика активности; происходит взрыв его потенциала самотрансформации. На волне революций общества как бы рождаются заново» [Штомпка П. Социология социальных изменений. М. 1996. С. 367].

Профессор-экономист К. Сонин дает более краткое определение:

«Революция – это то, что между двумя устойчивыми режимами» (Лекция в «Либеральной миссии» «Вторая русская революция, 1989 – 1991: что мы знаем о ней 30 лет спустя?», 17.11.2021).

Опираясь на эти два определения, согласимся с тем, что, действительно, называть события 1917 года Первой русской революцией, а события 1989-1991 – Второй, возможно, имеет смысл. А вот называть «революцией» события 1905-1906 годов, несмотря на принятие Конституции и переход, таким образом, формально к новой форме правления и политическому режиму, оснований все же нет.

Но прежде чем перейти к рассмотрению русских революций, нужно все же отметить опасную простоту определения К. Сони́на. Ибо что такое «устойчивый режим»? Этот вопрос возникает невольно при рассмотрении революций «арабской весны» в той же, например, Ливии. События в ней 2011 года имеют, безусловно, черты революции, начавшей в ней новую эпоху. Однако никакого «устойчивого режима» в ней за прошедшие 10 лет так и не возникло. Государство существует в условиях перманентной гражданской войны. Считать ли ее этапом продолжающейся революции? А если в результате страна распадется? Потеряет суверенитет? Продолжать ли называть произошедшее «революцией»?.. Подводя итоги 10-летия «арабской весны», сайт **BBC News** пишет:

«Как говорили в позапрошлом веке во Франции, революции надо уметь вовремя заканчивать. "Лидером разочарования" является Сирия, где уже почти 10 лет не прекращается кровавая гражданская война, за ней следуют Йемен, Ливия и Судан, где с разной степени интенсивности также не прекращаются боевые действия. Более половины граждан этих стран (в Сирии - три четверти) заявили, что живут хуже, чем до революции» (<https://www.bbc.com/russian/features-55349275>).

Но вернемся к России. Что же мы можем извлечь из опыта двух ее революций? Сопоставляя впечатления наблюдателей с неким «общим местом» у большинства современных отечественных политологов и социологов либерального самоопределения, мы увидим нечто странное. С одной стороны, наблюдатели поражаются тому, что крушение казавшихся вечными режимов происходило без каких-либо отчетливо выявляемых социально-экономических факторов. У современных наблюдателей возникало от происходящего впечатление какого-то чуда, загадочного природного явления, подобного внезапному землетрясению. А вот ученые указанного выше типа объясняли, спустя много лет, что явление это имело своим источником накапливающееся социально-экономическое напряжение, возникая по закону перехода количественных изменений в качественные при достижении им определенного уровня. И, поскольку ныне, на данном этапе российской истории, напряжение это непрерывно и заметно нарастает, прогнозируют очередную революцию...

Здесь чувствуется какой-то подвох: ведь никакого особого роста социально-экономического напряжения, например, в конце 80-х в СССР вовсе не наблюдалось. Пресловутое падение цен на нефть уменьшило доходы бюджета на... 5%. Неэффективная экономика действительно была перенапряжена – к этому падению добавились последствия Афганской военной авантюры, Чернобыля и антиалкогольной кампании, но перенапряжена все же не смертельно. И у государства были все возможности для исправления ситуации, как это было во время НЭПа: в 1988 году создалась соответствующая правовая основа и начался бум предпринимательской деятельности. Широко раскрылись все шлюзы свободы слова, свободы мирных собраний. Весной 1989 года Горбачев распорядился выделить для проведения митингов Лужники, и с тех пор в СССР свободно проходили массовые публичные мероприятия демократической направленности. На которых, по теории указанных ученых, и должен был бы «выходить пар» и сниматься социальная напряженность, но... Но начавшиеся долгожданные коренные реформы вели ко все большему недовольству активной части населения их недостаточными темпами, к требованиям революционной, а не эволюционной смены экономической и политической систем. В то же время случился и противоположный пример: серия аналогичных акций протеста весной 1989 года на [площади Тяньаньмэнь](#) в [Пекине](#) была пресечена силовым подавлением - и никакой революции до сих пор там так и не случилось, случился эволюционный путь реформ... Приходится признать, что социально-экономические обстоятельства Второй русской революции – это ее сопутствующие, а не причинные факторы.

Иллюзорна социально-экономическая напряженность и как источник Первой русской революции. Ее современник, крупнейший русский и советский историк С.Б. Веселовский записал в своем дневнике 20.05.1922:

«Но в действительности Революция началась с военного поражения, а революционеры всех мастей были застигнуты врасплох и только позже внесли свой вклад. Солдаты, побитые немецким оружием и боящиеся идти на фронт, набросились стихийно на свою родину. К этому завоеванию своей родины и свелся весь социальный элемент “смерча”» [Веселовский В.С. Проблемы нашей жизни. Воспоминания. В 2 т. Т.1: 1900-1945. М. 2018].

Ну и, разумеется, никакие социально-экономические напряженности в СССР, включая 1930-1932 годы, когда от голода вымерло не менее 5 млн человек, ни к каким даже намекам на революцию не приводили...

Конечно, обсуждаемая модель революции содержит и другой обязательный элемент, о котором мы пока, вслед за указанными политологами, не упоминали: ослабление власти. Но это ослабление становится понятным только постфактум, а не заранее. Политологи и социологи так же беспомощны в предварительном определении этой слабости по косвенным признакам, как и обычные граждане. Непредсказуемость революции – одна из пяти загадок, так и не раскрытых теоретической социологией, как отмечает в своей указанной книге Петр Штомпка (С. 388). Сейчас, например, мы видим простор для спекуляций: нас хотят убедить, что власть слаба, поскольку «бессмысленными репрессиями» «демонстрирует свой страх», но с тем же успехом можно утверждать, что эти репрессии вполне осмысленны и осуществляются именно для того, чтобы вызывать страх у всего населения. Таковы были репрессии при Сталине и, в более мягкой, но неотвратимой форме при его преемниках до Горбачева. Этим же путем идет сейчас Путин, не без основания считая его залогом предотвращения революции.

Рассмотрим повнимательнее, какой же факт, какое новое положение дел явились на самом деле спусковым крючком для Второй русской революции? Это один из тех «секретов», о котором вам ни слова не скажут политологи-фантазеры, изображающие эту революцию в тех же героических красках, как изображалась Первая русская революция в советской историографии. А началась Вторая русская революция в конце февраля 1988 года с событий в Сумгаите и Кировабаде, в ходе и по следам которых власти СССР проявили полную неспособность осуществить правомерную функцию государства по силовому пресечению погромов и убийств на национальной почве и привлечению виновных к ответственности. Это было совершенно новое, доселе невиданное явление в истории СССР, и когда оно стало реальным историческим фактом, начали один за другим запускаться механизмы предстоящей революции. Прежде всего – успешный сепаратизм прибалтийских республик, объявивших курс на выход из СССР, а через год – постепенное открытие границ стран Варшавского договора, приведших к крушению всего соцлагеря. Именно эти события и привели к тому расколу и смене элит в августе – декабре 1991, которые и явили собой победу Второй русской революции.

Вывод из сказанного можно сделать только один: обе революции в России произошли не по каким-либо социально-экономическим причинам, а исключительно в тех ситуациях, когда государство отказывалось применять репрессии против населения из-за отсутствия для этого ресурсов (Первая), либо воли (Вторая).

Русские революции и прогресс

Упомянутая книга Петра Штомпки была издана в 1993 году, когда опыт революций XX века еще не был дополнен 30-летним опытом России после Второй русской революции. Тем более знаменательным выглядит следующее наблюдение:

«Миф о революции начинает рушиться в XX в. - веке упадка современности. Вместо прогресса лейтмотивом эпохи становится тема кризиса. Миф о революции подрывается трагическим

образом реальных революций. Два вопроса не могут не возникнуть в общественном сознании. Во-первых, почему эти революции никогда не заканчиваются тем, о чем мечтали революционеры? По иронии истории они часто завершаются прямо противоположным, выливаясь в еще большую несправедливость, неравенство, эксплуатацию, подавление и угнетение. Во-вторых, почему разум так часто заменяется силой, давлением, бессмысленным уничтожением? Почему на смену революционерам прометеевского типа всегда приходят агрессивные, иррациональные, террористически настроенные толпы? Революции уже не воспринимаются как воплощение высшей логики истории, их не считают более прогрессивными» [Штомпка П. Указ. соч. С. 369].

Конечно, при написании этого текста автор монографии имел перед глазами итог Первой русской революции в виде рухнувшего СССР. И среди «пяти загадок или парадоксов, которые должны быть решены будущими теоретиками в этой области», он упоминает в конце монографии и такую, навеянную опытом той революции:

«Четвертая загадка касается результатов революции. Революции, особенно успешные, создают героические мифы; их достижения преувеличиваются, а потери игнорируются. Но потом эйфория проходит, становятся очевидными побочные негативные последствия, “эффекты бумеранга”, человеческие жертвы. Очень скоро, например, рухнул миф о русской революции, которая принесла нищету, угнетение, варварство, смерть. Крах коммунизма в конце XX в. окончательно доказал, что цель, преследовавшаяся этой революцией, с самого начала была ошибочной» [Штомпка П. Там же С. 388].

Нынешняя Россия еще не пришла к окончательным итогам своей Второй революции. Но, как уже отмечалось, ни к какому прогрессу в Западном понимании эта революция ее не привела. Более того, наблюдаемая логика деградации режима и массового сознания наводят на мрачные перспективы сценария краха Третьего рейха. И в этих обстоятельствах очередные грезы о «живительной», «очищающей» предполагаемой грядущей революции кажутся тем более нелепыми.

Прогрессивным для судьбы человечества, «осчастливленного» Россией в ее нынешнем состоянии, может быть только ее паралич.

17.12.2021